

Это сладкое и страшное слово — ПОПУЛИЗМ

Carlos Malamud. Populismos latinoamericanos. Los tópicos de ayer, de hoy y de siempre. 1ª ed. Oviedo, España. Ediciones Nobel, 2010, 411 p.

Карлос Маламуд. Латиноамериканский популизм вчера, сегодня, завтра. 1 изд., Овьедо, Испания. 2010, 411 с.

Книга известного испанского ученого Карлоса Маламуда является полноценным исследованием, в котором не только предпринята попытка объяснить само явление популизма, но и представить его в широком историческом, политическом и международном контексте. Это делает книгу интересной, особенно для латиноамериканистов, так как сложный социально-политический феномен исследуется автором на примере Латинской Америки.

Ключевые слова: популизм, концепция власти, национализм, региональная интеграция, глобализм.

Известный испанский ученый Карлос Даниэль Маламуд Риклес начинал научную карьеру с исследования экономической истории колониального периода развития стран Латинской Америки, затем специализировался по политической истории региона XIX и XX вв. Сегодня он, используя накопленный научный багаж, совмещает исторические исследования с работой политического аналитика и специалиста в области международных связей стран ЛКА. К.Маламуд является профессором кафедры истории Америки Национального университета дистанционного обучения (Universidad Nacional de Educación a Distancia, UNED) и главным специалистом по Латинской Америке и иберо-американскому сообществу Королевского института международных стратегических исследований Элькано (Real Instituto Elcano de Estudios Interna-

cionales y Estratégicos, RIE). Работал в таких известных университетах, как Оксфордский, университет Торкуато ди Телла (Буэнос-Айрес), Андский университет (Богота). С 1986 по 2002 г. был заместителем директора и профессором Института Ортеги-и-Гассета (Мадрид). Его комментарии и статьи можно встретить в прессе, он выступает на радио и телевидении, сотрудничает с культурно-библиографическим испаноязычным журналом «Revista de Libros», появившемся в 1996 г. по инициативе Фонда «Caja Madrid».

Краткий «curriculum vitae» приведен в новой книге ученого, посвященной такому интересному и важному политическому явлению, к сожалению, недостаточно изученному в нашей стране, как популизм. В первых же строках автор признает: есть два социальных явления, которые с трудом поддаются

научному определению, хотя и существует много дефиниций и интерпретаций, — это терроризм и популизм. Выявлению их сущности часто мешает политическая и идеологическая ангажированность исследователей. Сам автор находит корни популизма в российской и американской истории второй половины XIX в., но, по его мнению, среди всех популистских режимов, когда либо существовавших в мире, именно латиноамериканская разновидность этого общественного феномена занимает «звездное место» (с. 13).

Деятельность политиков-популистов первой волны — Хуана Доминго Перона (Аргентина), Жетулио Варгаса (Бразилия), Хосе Марии Веласко Ибарры (Эквадор), Ласаро Карденаса (Мексика), второй — Карлоса Андреса Переса (Венесуэла), Карлоса Менема (Аргентина), Альберто Фухимори (Перу), Абдалы Букарамы (Эквадор), и третьей, современной — Уго Чавеса (Венесуэла), Эво Моралеса (Боливия), Рафаэля Корреа (Эквадор), Нестора и Кристины Киршнер (Аргентина) заслуживает, с точки зрения Маламуда, отдельного анализа. «Латиноамериканский популизм обретает собственные черты, сильно отличающие его от популизма, который можно наблюдать в других географических широтах... В латиноамериканском популизме как первой волны 1930—1950-х гг., так и второй — 1990-х, а также в современных режимах, чаще называемых неопопулистскими, можно отметить такие черты, как апелляция к народным ценностям, антикапитализм и антилиберализм. В то же время в Латинской Америке, как и в других частях света, популизм не является ни собственностью какой-либо идеологии, ни определенным стилем управления, ни принадлежностью к какому-то конкретному географическому пространству. Популизм ассоциируется с сильным лидерством и персоналистским или наследственным спосо-

бом осуществления власти», — утверждает испанский исследователь (с. 13).

Разумеется, можно найти существенные различия в целях, стиле управления и риторике отдельных популистских и неопопулистских режимов региона. Поэтому исследователи часто расходятся во мнении, какой режим называть популистским. Некоторые считают популистами не только У.Чавеса, Э.Моралеса, Р.Корреа, Д.Ортегу, М.Селайю, Ф.Луго или чету Киршнеров, но и А.Урибе, и Л.И.Лулу да Силву. Маламуд представляет краткий историографический обзор по данной проблематике, и, отмечая наиболее интересные работы, в том числе и теоретические, подчеркивает большой вклад в теорию современного популизма аргентинского политолога, постмарксиста Эрнесто Лакло и его жены, бельгийского философа Шанталь Муфф, авторов постструктуралистской «теории дискурса» и ряда совместных работ, в одной из которых — «Destrucción y Pragmatismo» — они определили популизм как простую форму «выстраивания политики» (с. 18).

Маламуд не претендует пополнить собой список теоретиков и специально оговаривает: его работа не является теоретическим исследованием на тему, что такое популизм и популисты, и не содержит однозначного и убедительного определения популизма (с. 16). Недостаток строгих политологических формул ученый возмещает обширным фактическим материалом, оригинальными историческими аллюзиями, точным анализом современных латиноамериканских режимов, через частности выделяет типологические черты, находит общие ценностные установки, изучает используемые политические механизмы, но отмечает и различия «популизмов» и их отличительные особенности в сравнении с историческими предшественниками. По мнению исследователя, нынешние каудильо по понятным причинам уделяют гораздо большее внимание процессам и проблемам макроэкономического порядка.

В книге девять глав, введение и заключение. Судя по названию, работа должна быть чисто политологическим исследованием, однако автор, являясь историком и международником, предлагает свой, нестандартный подход к теме. Большая часть монографии посвящена популизму в контексте таких явлений, как региональная интеграция, глобализм, в ней прослежено, как выражается сущность популистских режимов в их международной политике, как они ведут себя на региональной и мировой арене, как выстраивают внешнеполитические приоритеты.

Несомненно, любой исследователь популизма в Латинской Америке должен начать книгу с истории перонизма, и историк Маламуд посвящает этой теме первую главу, подчеркивая его влияние на популистские режимы, существующие в наши дни. Хотя нельзя говорить о «прямой трансляции перонистского воображения» на сегодняшний день, многие черты, присущие пер-

вым популистским режимам, можно найти и у нынешних идеологизированных «популизмов», а многие концепты, по мнению автора, заимствованы из знаменитых «Двадцати истин перонизма» (с. 54). В первую очередь это — контроль властных элит над социальной сферой и манипуляция государственными ресурсами в собственных интересах. Это использование националистических лозунгов, при помощи которых мобилируются массы сторонников, чья энергия направляется в нужное властям русло. Популизм и «национализм с сильным антиимпериалистическим компонентом» идут в Латинской Америке рука об руку, — подчеркивает исследователь (с. 59).

Отдельная глава содержит анализ популистской концепции власти, которая, в интерпретации испанского ученого, сводится к тезису «власть дается навсегда, она не может быть разделена и поделена». Автор подчеркивает стремление всех популистских президентов как можно дольше задержаться на своем посту, что является «серьезной угрозой стабильности демократии» (с. 97). Это стремление удивительным образом совпадает с желанием латиноамериканских народов бесконечно созерцать своих каудильо во главе государства и готовностью поддерживать их деятельность. «Большая часть латиноамериканского субконтинента ожидает в рецидивной форме прихода мессии, этакое каудильо-освободителя, который по мановению волшебной палочки покончит со всем злом, существующим в стране. Это объясняет широкую поддержку, с которой Э.Моралес или Р.Корреа пришли к власти и высокую степень одобрения, которую они имели в течение длительного времени. Практически все надежды латиноамериканских народов достичь социальной справедливости сосредотачивались на фигурах каудильо-спасителей. Только они могли принести мир и процветание и покончить с бедами и конфликтами,

свалившимися на их нации», — рассуждает автор (с.101). Характерно и другое. Независимо от того, что происходит в стране, рейтинги популярности президентов региона в этом десятилетии бьют рекорды. Главной причиной, объясняющей сложившееся положение, Маламуд считает то, что народы «возлагают надежды на лидеров-каудильо, а не на демократические институты. В Латинской Америке наблюдается вековая тенденция время от времени избрывать колесо. Свидетельством этого являются перманентные конституционные реформы в странах региона» (с. 103). В связи с этим автор выделяет еще один тезис, используемый популистскими режимами: «законы и конституции написаны не для того, чтобы их исполняли» (с.108). Складывается впечатление, что конституции изучаются только в той части, где речь идет о сроках президентских мандатов, и только потому, что необходимо найти способ изменить их в сторону увеличения.

Среди других «родовых» черт латиноамериканского популизма Маламуд выделяет следующие:

— стремление популистских режимов привести общество к поляризации. Официальная пропаганда возлагает вину за ошибки и провалы политики властей на «врагов народа», что в обществе, разделенном на «патриотов и антипатриотов», воспринимается с детской доверчивостью. Особых успехов на этом пути достигли президенты Аргентины Нестор и Кристина Киршнер (прилежные ученики другой супружеской четы Лакло-Муфф), решавшие все проблемы через конфликт. Градус поляризации, противостояния, конфликтности при киршнеризме достиг такой точки, что общество не выдержало перегрузки и в 2009 г. продемонстрировало свою усталость на выборах, которые власти с треском проиграли. Но это тактическое поражение не стало стратегическим проигрышем популистского

курса. Смена имиджа К.Фернандес де Киршнер после смерти супруга Н.Киршнера моментально отразилась на ее рейтинге в положительную сторону;

— попытки минимизировать действия и значимость оппозиции. Политическая деятельность оппозиционных сил в таких странах, как Венесуэла, Эквадор или Боливия, серьезно затруднена. Автор приводит курьезный пример состояния дел в Боливии: в сельских районах оппозиционные партии должны просить разрешения у представителей местной власти проводить предвыборную кампанию, если им вообще не запрещен вход на территорию, находящуюся под контролем официальных властей (с. 125). В отдельных случаях дело доходит до того, что оппозиционная деятельность приравнивается к террористической (!). В других странах применяют более «тонкие» методы нейтрализации оппозиции, целенаправленно минимизируя эффект «вредных» для популистских властей акций и выступлений;

— проведение клиентелистской политики и покупка лояльности. Этот тезис проиллюстрирован ученым на материале Венесуэлы и Боливии, но мы могли бы привести примеры Аргентины и других стран, где у власти находятся популистские режимы правой или левой ориентации.

Режимов левой ориентации среди «популистов» в Латинской Америке значительно больше. Во многих латиноамериканских странах, — пишет автор, — в первом десятилетии XXI в. были установлены режимы, которые определяются как левые, что было следствием сбоя в функционировании неолиберальной модели и оживления протестных движений в регионе. Приход к власти в Венесуэле в 1999 г. У.Чавеса взорвал политическую жизнь Латинской Америки и ознаменовал начало так называемого «поворота влево». Главная проблема левопопулистских

режимов сегодня — это их устойчивость (с. 147—149).

Поскольку основной целью своей работы Маламуд считает рассмотрение общего в латиноамериканской политике, он обращается к теме региональной интеграции, воспринимающейся обществом и политиками как «панацея, которая должна автоматически и почти магически способствовать экономическому развитию и росту, разрешению политических, социальных и институциональных проблем региона» (с. 199). Однако процесс интеграции сталкивается с очевидными трудностями, не приводит к ожидаемым результатам, а вина за неудачи возлагается, как правило, на «империалистическое проклятие» в американской или европейской версии. Распространенный аргумент популистов — разобщенную Латинскую Америку империалистам будет легче эксплуатировать. Однако, замечает ученый, странам региона необходимо четко определить субъект интеграции, а также ее цели, т.е. определить, что хотят интегрировать, зачем и каким образом (с. 199). Автор не отрицает важность внешних факторов в политической жизни региона, а также роли Великобритании и США в его истории, однако настаивает на том, что объяснение нужно искать во внутренних процессах и выделяет «две чрезмерности и один дефицит» среди причин, тормозящих латиноамериканскую интеграцию. Под чрезмерностями подразумевается излишество риторики и национализма, под дефицитом — отсутствие лидерства (с. 200). Ни одна из стран-гигантов — ни Бразилия, ни Мексика — не сыграли в интеграционных процессах ту роль, которая соответствовала бы их размеру, возможностям и богатству. Не смогла сыграть роль лидера и Аргентина, озабоченная внутренними проблемами больше, чем стратегическим партнерством с остальными государствами региона. Отсутствие реальной готовности

к интеграции, необходимой мотивации, занятость собственными проблемами объясняют отсутствие лидерства и, в конечном счете, трудность объединения стран региона, говорит Маламуд и ставит в пример путь, который прошла Европа под эгидой Германии и Франции (с. 203).

Сформулировать взвешенную позицию в отношении опыта других стран популистским режимам мешает их трактовка процесса глобализации. «С точки зрения латиноамериканских популистов, — пишет автор, — глобализация — это сумма всего плохого, что есть на планете» (с. 245). Вместе с неолиберализмом глобализация представляет собой абсолютное зло, существующее на земле, и должна быть объектом непрерывной борьбы со стороны популистских режимов и поддерживающих их социальных движений, интерпретирует ученый популистский взгляд на эти явления. Каудильизм, усиление госкапитализма, недооценка необходимости инвестиций, нежелание пускать иностранный капитал, бесконечные конституционные реформы препятствовали накоплению национального богатства, наращиванию человеческого капитала и укреплению общественных институтов в странах с популистскими режимами. Поэтому, делает вывод автор, представляется логичным, что Латинская Америка с трудом извлекает пользу из процесса глобализации и затрудняется в определении своей собственной судьбы (с. 265).

Автор привлекает внимание к одной из современных разновидностей популизма — индихенизму. Он анализирует это явление в отдельной главе, большая часть которой посвящена наиболее радикальному варианту — боливийскому (с. 311).

Разумеется, в небольшой рецензии невозможно отразить все разнообразие проблем, затронутых в данном фундаментальном труде. Цель рецензии — привлечь внимание к рассматриваемому явлению, которое достойно более

пристального изучения российскими латиноамериканцами. Книга Маламуда может стать предметом обсуждения за «круглым столом», а сам феномен латиноамериканского популизма — темой солидной индивидуальной или коллективной работы.

Процесс глобализации затрагивает не только общемировые процессы, но и вторгается в такие области человеческой деятельности, как научные исследования. Становится контрпродуктивным замыкаться на одной теме, на изучении одной страны, более того, недостаточно быть только экономистом или только политологом, владеть одним иностранным языком, существовать вне мирового научного сообщества. Как показывает опыт наиболее успешных ученых, только длительная профессиональная деятельность, широкая эрудиция, скрупулезный и сравнительный анализ, выход за узкие рамки темы конкретного исследования и непредвзятый взгляд на проблемы и явления могут привести к созданию оригинальных, по-настоящему глубоких работ, которые вносят существенный вклад в на-

копление научных знаний. К числу таких работ можно смело отнести и рецензируемую книгу.

В заключение хотелось бы выразить признательность автору за оперативность, с которой он откликнулся на просьбу привезти эту книгу в Москву на юбилейную конференцию ИЛА РАН, и за выступление с интересными докладами.

Карлос Маламуд не стал давать собственное определение популизма. И это понятно: многие аналитики испытывают сегодня трудности при попытке научного анализа политики и поведения современных латиноамериканских каудильо, которые зачастую выходят за рамки логики и принятых норм.

... После прочтения книги почему-то в памяти всплывает детская сказка о волшебной пастушьей дудочке, под сладкие звуки которой плясали все, кто ее слышал. И чтобы прекратить эту пляску, нужно было уничтожить дудочку или умереть в танце.

Н.М.ЯКОВЛЕВА
(nel-yakovleva@yandex.ru)